

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

А.В. Комаровский

РАСКОЛДОВЫВАНИЕ МАКСА ВЕБЕРА: КРИТИКА И ПОЛИТИКА В РЕЦЕПЦИИ ВЕБЕРОВСКОГО НАСЛЕДИЯ В НЕМЕЦКОМ НЕОВЕБЕРИАНСТВЕ

В статье проводится анализ особенностей и динамики рецепции наследия Макса Вебера в социологической науке в целом и в рамках неовеберианства в частности. Показано, что рецепция носила нелинейный, противоречивый характер, обусловленный динамикой социально-политических контекстов и борьбой англосаксонского и немецкого эпистемических стилей в прочтении Вебера. Движущей силой международного, немецкого в особенности, неовеберианства стала депарсонизация Вебера, выявившая ограничения неоклассического прочтения Вебера, связанные с пониманием сущности и динамики культуры, концептом методологического индивидуализма, свободы от оценочных суждений и др. Значительное влияние на неовеберианство оказало оппонирование неомарксистскому дискурсу, который позиционировал Вебера как поборника сциентистской объективности и ценностной нейтральности. Ранняя неовеберианская дискуссия фокусировалась на проблеме поиска предметного (тематического) единства веберовского наследия. Позднее вектор анализа сместился на методологические и эпистемологические основания веберовской социологии. Вебероведческие исследования показали, что решающее влияние на методологические установки Вебера оказал «спор о методах» между исторической и теоретической (австрийской) школами национал-экономики (между Г. Шмоллером и Г. Менгером), в то время как неокантианство Г. Риккерта играло менее значительную, инструментальную роль. Социологическое снятие спора о методах, выступающего эпистемологическим конфликтом между классическим и неклассическим типами науки, позволяет обнаружить в работах Вебера постнеклассический эвристический потенциал. В работах немецких неовеберианцев В. Хенниса, В. Шлюхтера и Ф. Тенбрука выявлена культурно-социологическая размерность веберовского наследия, а также скрытый (культур)антропологический фон. Показана подчиненность эпистемологических разработок Вебера его гуманистическим праксеологическим

Комаровский Андрей Владимирович — научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, магистр социологии Института социологии НАН Беларуси (kamardudar@gmail.com)

Andrei Kamarouski — Research Fellow, Institute of Sociology, NAS, Belarus (kamardudar@gmail.com)

установкам (ценность свободной, сознательной, творческой и ответственной личности).

Ключевые слова: Вебер, неовеберианство, Ф. Тенбрук, В. Хеннис, В. Шлюхтер, культурсоциология.

Макс Вебер традиционно считается одним из классиков социологии. Вместе с тем «рецепции наследия Вебера присуща высокая селективность в адаптации его идей» (Кильдюшов 2007: 161), обусловленная переменчивой социокультурной «повесткой дня». После смерти Вебера авторитетные современники-социологи О. Шпанн и Ф. Тённис критически отнеслись к его работам (Филиппов 2009: 51). Большой скепсис в отношении «ценностной нейтральности» выказали и представители немецкой экономической науки (Nickel 1919). Скудное внимание социологов к Веберу в период Веймарской республики компенсировалось интересом историков и религиоведов (Патрушев 1993: 56), в том числе и в Российской империи (Кодзима 2009: 121).

Социологическая канонизация Вебера была проведена в межвоенных работах Т. Парсонса. Послевоенная денацификация и «санация» немецкого духовного наследия коснулась и Вебера: его концепцию плебисцитарной лидерской демократии некоторые сочли обоснованием «фюрерства». На гейдельбергском съезде немецких социологов в 1964 г. (в канун 100-летия со дня рождения Вебера) именно американские социологи (Т. Парсонс, Р. Бендикс и Б. Нельсон) оппонировали рьяному антивеберианству Франкфуртской школы (В. Адорно, Ю. Хабермас), восстанавливая в англосаксонском стиле «доброе имя» Вебера, подозрение к которому долго сдерживало интерес исследователей (Kaesler 2004).

Лишь к началу 1970-х гг., после денацификации и критики «плоских» неомарксистских и парсонсианских прочтений, фигура Вебера становится центральной в немецкой социологической мысли. Появляется целый ряд работ, обсуждающих тематизмы, заданные в работах вебероведов первого поколения — В. Моммзена, Й. Винкельмана, Р. Бендикса. В 1980–1990-е гг. в работах Ф. Тенбрука, В. Шлюхтера, В. Хенниса, Й. Вайса и др. складываются самостоятельные неовеберианские концепции. Важно отметить, что в данных трудах прослеживается четкая культурсоциологическая установка.

Указанные историко-социологические коллизии в рецепции Вебера позволяют поставить под сомнение феномен так называемого «веберовского ренессанса», который обосновывался Ю.Н. Давыдовым (Давыдов 1986) и оспаривается рядом отечественных и немецкоязычных авторов (Кодзима 2009; Kaesler 2004). С эпистемологической точки зрения имел место полный борьбы и противоречий процесс разнодисциплинарных и разнопарадигмальных прочтений Вебера, значительно менявшихся в условиях трансформации научной рациональности в течение XX в. Ключевым контртезисом относительно гипотезы о ренессансе выступает то, что Вебер исходно не прочитывался в соответствии со своими (пост)неклассическими установками, «открытие» и признание которых пришлось на последнюю треть XX в.

Активную рецепцию Вебера в немецкоязычной социологии, способную обеспечить его классикализацию с позиций неклассической рациональности, затруднял целый ряд вненаучных причин: слабая изданность и переведенность работ, социально-политическая турбулентность Веймарской республики, национал-социалистическая идеологизация науки, послевоенная американизация и денацификация науки. Ключевым же барьером стал доминировавший в начале XX в. дисциплинарный образец социологии Конта-Дюркгейма. В межвоенное время он был окончательно оформлен Парсонсом в неоклассический структурный функционализм и постепенно вытеснил «неформатные» неклассические подходы — аналогично неоклассике в экономике (Столяров 2008), доминируя вплоть до конца 1960-х гг. в международной социологии. Это обусловило селективную, «усеченную» рецепцию и «незаметность» (пост)-неклассического гносеологического потенциала веберовских идей.

Парсонизация Вебера имела решающее значение для неовеберизма и требует внимательного анализа. Получив образование и защитив диссертацию в среде немецкой исторической школы национал-экономики в конце 1920-х гг., Парсонс впоследствии отходит от неклассических идей, инкорпорируя их в систему неоклассической теории социального действия, синхронизированной с экономической неоклассикой. Этим обусловлен скрытый нормативизм в теории культуры Парсонса, сохранившийся вплоть до его самых поздних работ. Селективность в интерпретации Вебера задавалась тезисом о конвергенции, основу которого составил социологизм Дюркгейма (Cohen, Hazelrigg, Pope 1975: 237). Впоследствии антитезой данному прочтению выступил особый «антиамериканизм» немецких исследователей, стремившихся «использовать фигуру социолога Вебера для того, чтобы противопоставить европейскую науку (как более изначальную и аутентичную) американской (как вторичной и поверхностной)» (Давыдов 1986: 67).

Социология Парсонса содержала представление о монолитной, бесконфликтной социальной системе, задаваемой универсальными ценностными образцами поведения, локализованными в отдельной, нормативной сфере культуры. В ней «нет места для конфликта: ведь все согласны по поводу основополагающих ценностей» (Грановеттер 2012: 14), она не предполагает «ни динамики, ни конфликта», как у Вебера (Kalberg 2004). «Представления структурного функционализма о мирном, опирающемся на развитие техники прогрессе было разрушено войной во Вьетнаме, студенческими волнениями в западном мире, совпавшими с выступлениями черных в США, экономическим спадом 70-х гг.» (Черных 2002: 87), в результате чего возник онтологический и методологический «вакуум», заполнение которого происходило с помощью идей неомарксистской и веберовской социологий, выявивших неустранимую созидательную роль конфликта и борьбы в социокультурной динамике (Swedberg 2003: 284).

С методологической точки зрения, вынесение культуры в отдельную сферу привело к а-культурности других сфер, вывело «инструментально рациональные институты за рамки культурного анализа и тем самым выхолостила исследования культуры» (Доббин 2012: 43). «Сферное» представление культуры

Парсонс наследовал у экономистов-неоклассиков, поместивших институты и культуру в «черный ящик», онтологизировавших принцип методологического индивидуализма и универсализировавших историко-культурный кейс антропообраза «человек экономический».

Идейный параллелизм неоклассической экономики и структурно-функциональной социологии выражен в структурном изоморфизме поведения сверхсоциализированного «человека социологического» и недосоциологизированного «человека экономического»: первый *слепо* подчиняется социальному окружению (конформен), второй подчиняется логике рынка, обладая *полным* знанием о нем. Примечательно, что именно идеи Вебера использовались для преодоления неоклассических ограничений в работах Ф. Найта, основоположника Чикагской школы экономики — предтечи неклассически ориентированной институциональной экономики (Emmet 2006).

Наконец, вместо многомерного, сравнительного культурсоциологического анализа цивилизаций (представленного в анализе мировых религий у Вебера) у Парсонса — в соответствии с традицией американской культурной антропологии — возобладала универсальная, эволюционно фундированная теория общества. Послужив идейной основой политики модернизации, она была раскритикована из-за низкой чувствительности к культурной специфике разных стран и регионов (Масловский 2008; Mouzelis 1999). Не случайным представляется тот факт, что именно мотив «депарсонизации» Вебера стал «путеводной звездой» вебероведения в течение XX в. (Lichtblau 2001).

Таким образом, демонстрация селективности рецепции наследия Вебера подняла вопрос о выявлении скрытого эпистемологического потенциала его идей. На пути решения этой задачи вебероведы обратились к анализу истоков и оснований веберовской исследовательской программы, или исходной гносеологической ситуации, которая определила ключевые теоретико-методологические проблемы и их решения у Вебера. Понимание этих проблем и решений позволило во всей полноте оценить масштаб веберовской программы и адаптировать ее идеи в новейших социокультурных условиях.

Современное Веберу интеллектуальное и политическое окружение концентрировалось на четырех ключевых тематизмах: кризис либерализма, подъем социализма, экономизация социальных наук и распространение (ницшеанского) культурного пессимизма (Scaff 1984). Индустриализация производства, бюрократизация государства, становление массово-анонимных форм социальности составили «пакет» социокультурных трансформаций, выдвигавших целерациональное мышление в фокус научного и социального «овладения миром».

Данная социокультурная ситуация рефлексировалась Вебером как процесс (тотальной) рационализации, чьи явные и скрытые эффекты стали адресатом реформистски ориентированной политики и, соответственно, предметом трансдисциплинарного культурсоциологического исследования. Изучение культуроспецифичных механизмов и противоречивых последствий рационализации представлялось возможным лишь с помощью достаточно емкой, «мощной» эпистемологической конструкции, требующей «интеграции всего комп-

лекса гуманитарных наук, по традиции относимых в Германии к наукам о культуре» (Шпакова 1992).

Трансдисциплинарность веберовской мысли отражается в широте привлекаемых тематизмов и подходов; она критически рефлексивирует современную ему дисциплинарную топологию социогуманитарного знания, в которой зрела, но еще не установилась строгая дисциплинарная демаркация мира. Социология у Вебера — технический, организационный ярлык, указывавший на «возможную кооперацию представителей различных социальных дисциплин и на общий интерес» (Гергилов 2003: 33). Она виделась как работа на методологическом уровне, где только и возможно действительное объединение разнодисциплинарных перспектив. Однако попытка такого объединения немецких социологов в рамках Немецкого социологического общества (ожидаемо) не увенчалась успехом.

Идейным стержнем современной Веберу гносеологической ситуации стал знаменитый «спор о методах» рубежа XIX—XX вв. между теоретической (лидер — К. Менгер) и исторической (лидер — Г. Шмоллер) школами национал-экономии. В своих основаниях «спор о методах» стал одной из манифестаций системного эпистемологического конфликта в западной интеллектуальной традиции — между классическим и неклассическим типами научной рациональности. Вебер занял рефлексивную метапозицию, понимая ограниченность каждой из сторон спора и необходимость его критического «снятия». Он выработал постнеклассически ориентированные идеи, а не просто встраивал «элементы неклассического подхода ... в рационалистические версии истории, частично пересматривая сами основания рационализма» (Ионов 2004: 150).

Позиционируя себя по ту сторону обеих альтернатив — или только объясняющей, или только истолковывающей, Вебер «хотел скорректировать историзм исторической школы, объективизм марксистской школы и психологизм маржиналистской школы (школы К. Менгера — А. К.), связывая экономическую теорию с теорией культуры для того, чтобы создать “политическую экономию”, которая переплывала бы ставшую проблематичной связь между исторической работой, теоретической работой и работой практической» (Nau 1997: 225).

Вебер стоял перед двойной методологической проблемой: (а) необходимостью дать общественным наукам свои объективные «приемы концептуализации, пригодные для обобщения, которые позволили бы осуществлять причинную атрибуцию» и (б) необходимостью выработки нерелятивистских правил, регулирующих отбор фактов и событий «при воссоздании исторических эпизодов» (Ушкова 2005: 12). Адекватные методологические решения отсутствовали как у враждующих школ национал-экономии, прошедших в процессе острой полемики «точку возврата» к возможному консенсусу, так и у ключевых философов и методологов науки того времени (В. Дильтея и Г. Риккерта).

Обе школы национал-экономии признавали сложностный характер реальности. Но для Шмоллера это служило аргументом в пользу применения индуктивного метода во избежание упрощения реальности, а для Менгера, напротив, — необходимости применения дедуктивных методов как соразмерных средств ее схватывания. Шмоллер признавал существование «холистических»,

надындивидуальных структур, в то время как Менгер считал реальными только конечных индивидов и их действия. Человеческая природа для Шмоллера была исторически вариативной, что опровергало существование универсальных законов экономики, в то время как для Менгера — постоянной (эссенциалистской), что позволяло выводить такие законы из неизменной сущности человеческой природы.

Не менее проблематичной была ситуация в философии и методологии науки. Дильтей отстаивал исключительность интуитивного метода познания, что лишало социогуманитарное познание притязаний на общезначимые суждения (генерализацию) (Давыдов 1991: 35). Риккерт же, наоборот, относил социологию (в лице проекта Конта) к генерализирующим наукам, отрицая за ней право к познанию индивидуального, исторического. «Как это ни парадоксально, но для Вебера особую трудность в процессе освобождения теоретического пространства для нового, нетрадиционного понимания социологии представляли уже не ее позитивистски или сциентистски настроенные приверженцы, но именно антипозитивист Риккерт, чей антинатуралистический общеметодологический подход он разделял в целом, расходясь с ним лишь в (казалось бы) незначительных деталях» (Давыдов 1996: 129).

Риккертовское «отнесение к ценности» было инкорпорировано Вебером в методологические основания социологического анализа, в то время как его систематика трансцендентальных ценностей, нацеленная на «построение “научной” системы ценностей» (Bruun 2001: 139), была заменена реальным («земным») политеизмом ценностей, их непрерывной борьбой и развитием. «Рациональность, обеспечивающая познание ценностей, носит не материальный, а формальный, процедуральный характер. ... Решающим в вопросе о ценностях является не “что”, а “как”» (Schluchter 2005c: 100), не попытка полного таксономического учета ценностей, а разработка адекватных средств анализа поливариантных, эволюционирующих ценностных систем.

Позднее Вебер усилил проблематизацию и перевел «спор о методе» в «спор об оценочных суждениях» (Werturteilsstreit). Потенциал данного перевода уже содержался в полемике Менгера и Шмоллера, где «речь, по большому счету, шла не об отношении понятий и действительности или теории и истории, а о теории и практике, или, в терминологии В. Виндельбанда, о теоретических и аксиологических проблемах (вопросах знания и вопросах ценностей)» (Schluchter 2005c: 86). В позднейшем «споре о позитивизме» (рассматривается как второй «спор о методах») между школами критической социальной теории (Т. Адорно, Ю. Хабермас) и критического рационализма (К. Поппер, Х. Альберт) Вебера зачастую кодифицировали как «ценностного релятивиста или, что еще хуже, ценностного агностика» (Schluchter 2005c: 86). Тем не менее, Вебер предвидел, хотя и неоднозначно оценивал грядущий «политеизм ценностей», проблематика которого во всей полноте и противоречивости раскрылась в современных апориях мультикультурализма.

Отметим, что традиционная фокусировка на неклассические неокантианские истоки и недостаточная отрефлексированность роли «спора о методах» для становления Вебера (что часто выпадало из поля зрения социологов как его

«ранний», досоциологический этап творчества) длительное время скрывали возможности перепрочтения веберовской социологии как *постнеклассической* социологической концепции. Вместе с тем такая переинтерпретация представляется правомерной и актуальной в современных условиях. Сегодня, после усвоения уроков постмодернистской деконструкции, ключевой видится задача оформления жизнеспособного трансдисциплинарного социологического проекта на постнеклассических основаниях (Абушенко 2013), элементы которого, как нам представляется, можно обнаружить в (вновь) иначе прочтенной социологии Вебера (прочтенной как культурсоциология). Неовеберизм, бесспорно, внесло значительный вклад в решение данной задачи.

Важную роль для развития неовеберизмской дискуссии сыграл неомарксистский дискурс, представители которого критиковали Вебера как предвестника «вождизма», сторонника натуралистической ценностно нейтральной (внеидеологической) науки, представителем «той социологии, каковая в качестве объективистской, номиналистической и свободной от оценочного подхода является якобы одновременно зеркалом и идеологическим оправданием овеществленных отношений» (Давыдов 1991: 144). Как мы уже показали выше, данные упрощения веберовской позиции, будучи во многом схожими со структурно-функционалистским редукционизмом, задавали скорее антивеберизмские настроения и сдерживали глубокие исследования веберизмской мысли и ее отношения к Марксу в частности.

Примечательно, что сам Вебер в своей антинатуралистической критике энергетической теории культуры Оствальда «выдвигает аргумент, который позволяет причислить его к галерее основоположников критической теории» (Kluse 2001: 44): натурализм является оправданием сложившихся властных отношений. Ограничения неомарксистского прочтения Вебера в значительной мере снимались в более поздних, постмарксистских версиях, где присутствовало представление о «естественном» уровне реификации (натурализации, объективации) в социальности, связанном с механизмом «оплотнения смысловым образом ориентированного социального поведения во “вторую природу”» (Давыдов 1991: 146).

Специфической особенностью неовеберизмской парадигмы является не только «узкий», теоретико-методологически ориентированный исследовательский фокус (вебероведение), но и стремление к конкретным, «прикладным» анализам на основе реактуализированных идей Вебера. Культура активно тематизировалась в рамках как немецкого неовеберизма (Ф. Тенбрук, М. Х. Рассем, В. Шлюхтер, В. Хеннис, Й. Вайс, К.-З. Рееберг), так и в работах других авторов из США (Г. Рот, Р. Бендикс, С. Калберг, Ф. Доббин, С. Тернер, Р. Шрёдер), Англии (С. Вимстер, Л. Скафф, А. Маккиннон) и других стран. Немецкое неовеберизмство стало одной из магистральных парадигм переинтерпретации наследия Вебера, в особенности благодаря его ярко выраженной культурсоциологической направленности. Это не случайно, поскольку в целом «самые замечательные социологические концепции, появившиеся в последние десятилетия ... являются по существу развернутыми версиями социологии культуры» (Ионин 2004).

Наиболее видную роль в разработке данного направления и в неовеберянском дискурсе в целом сыграли работы Ф. Тенбрука. Первая вебероведческая работа Тенбрука датирована еще 1959 г. (Tenbruck 1959), однако наибольший резонанс вызвала работа 1975 г. (Tenbruck 1975). Вышедшая в этом же году книга Вайса (Weiss 1975) также нашла отклик, однако статья Тенбрука «оставила более глубокий след в осознании вебероведами “новой волны” интереса к Веберу, чем книга И. Вайса» (Давыдов 1990: 747). Среди виднейших немецких вебероведов начала XXI в. стоит также указать В. Хенниса и, в особенности, В. Шлюхтера, внесших вклад в экспликацию веберянкой исследовательской программы и оценку ее современного эвристического потенциала.

Отличительным свойством раннего этапа развития неовеберянства стала ориентация на определение «темы Вебера», сквозного лейтмотива его творчества, что, с подачи К. Ясперса, часто обозначалось как фрагментированное, несистемное множество отдельных работ и черновых разработок (Ясперс 1994: 553). Так, «столп» вебероведения Й. Винкельман, отмечая всю революционную значимость концепции социального действия, видел «тему» Вебера в проблематике господства, а не религии или рационализации. «Большую социологию» Вебера он определял как эмпирическую науку о человеке и культуре в истории, как сравнительный универсально-исторический анализ культур (цивилизаций), а Вебера — «как “практика” понимающей и типологически конструирующей социологии» (Давыдов 1991: 134).

Поиски «темы» Вебера отражали процесс осмысления нарастающего объема публикуемых и переводимых работ Вебера и о Вебере, однако постепенно исследователями было осознано, что выявление целостности веберовской мысли на предметном уровне является тупиковым ходом. Дискуссия смещается к экспликации веберянкой методологии и эпистемологии, выступающих «местом сборки» разнотематических разработок Вебера. Впоследствии, по мере схождения данных направлений анализа в «точке» культуры, неовеберянцы обращаются к *праксеологическим* проблемам, выявляя скрытый антропологический фон веберовской мысли. Наиболее целостные версии такого прочтения Вебера предложены В. Хеннисом, В. Шлюхтером и Ф. Тенбруком. Взгляды последнего проанализированы автором в отдельной работе (Комаровский 2014).

По мнению В. Хенниса (1923–2012), «мощный и все еще значимый порыв Фридриха Тенбрука проинтерпретировать труд как единое целое обречен на провал, поскольку тема расколдовывания пусть и стала ведущей в “Хозяйственной этике мировых религий”, но не получила такого же внимания в “Протестантской этике” и “Обществе и хозяйстве”. Только с помощью конструкции “поздних работ” ... можно утверждать о ведущем характере такой постановки вопроса (“рационализация”, “расколдовывание”» (Hennis 1987: 126). Хеннис критикует Тенбрука по нескольким причинам. Во-первых, Тенбрук умалчивает о ранних работах Вебера, посвященных национал-экономическим, отчасти историко-юридическим темам, но не проблематике религии. Во-вторых, Тенбрук отождествляет рационализацию с расколдовыванием, сводя ее к выявлению религиозной иррациональности, а не парадоксальной иррациональности рационально-индустриального капитализма.

Для Хенниса основной вопрос Вебера состоит в «проблематике современной “человечности” (Menschentum), ...ориентирован на “идею человека”, которую не заметил, начиная с ранних исследований Ландсхута и Лёвита, ни один из наиболее пронизательных интерпретаторов» (Hennis 1987: 138). Каждая социокультурная ситуация формирует определенный «тип человека», уникальный ансамбль антропных качеств. В конечном счете, у Вебера речь идет «не о “хозяйственных этиках”, мировых религиях ..., а о “человечности”, которая была таким же необходимым сырьем для современного хозяйственного уклада, как уголь и металл» (Hennis 2003b: 78).

Ведь «современное хозяйство предполагает не только рациональное, в своих функциях калькулируемое государство, но и рациональную технику (науку) и определенный тип рационального ведения жизни» (Hennis 2003b: 86), особый «дух капитализма» и этос. Вместе с тем выработка и фаворизация целерационального способа ведения жизни, представляемого в эпоху классической рациональности как универсальная антропологическая константа, задавала векторы и тупики развития западной цивилизации. В действительности это лишь один из возможных, неуниверсальных «типов человечности».

Хеннис также проблематизирует устоявшийся образ Вебера-социолога. Даже для «продуктивного и хорошо знавшего Вебера Шлюхтера» этот вопрос не был дискуссионным. Но является ли это «“исторически” и “критически” или даже “историко-критически” столь бесспорным фактом?» (Hennis 2003b: 77). Какая дисциплина сегодня обладает «легитимным правом» на Вебера? «Социология точно нет. И не национал-экономика; до “Экономикс” Альфреда Маршалла она была частью “моральных” и политических наук, как и немецкая историческая школа национал-экономики» (Hennis 1987: 127). В действительности любое монодисциплинарное толкование Вебера является изначально редуктивным, поскольку искусственно расчленяет исходно синкретичные, трансдисциплинарно поставленные темы и проблемы веберовской мысли.

Решая «спор о методах», Вебер пытался «привести к одному знаменателю как научное наследие практико-ориентированных камералистических предметов, так и теоретический прогресс “классиков”» (Hennis 2003b: 135), что нашло выражение в его позднем, важнейшем проекте социал-экономики (Grundriss der Sozialökonomik). Хотя «Риккерт помог ему в известной мере с временными инструментами анализа», ключевые «проблемы ставились без неокантианства», а знаменитое «учение об идеальном типе есть не что иное, как генерализация фигуры homo oeconomicus» (Hennis 2003c: 66), центрального концепта теоретической школы Менгера. Более того, веберовское предостережение от опасности переоценки понятийного познания, его отказ «от западной традиции мышления от Платона до Канта и, конечно же, Гегеля в своей радикальности сегодня едва ли воспринят в полной мере» (Hennis 2003a: 21).

Научное и политическое мышление Вебера — это, во-первых, не «децизинистическое или принципиально-телеократическое мышление, а перистатическое мышление» (Hennis 1987: 152), мышление «по обстоятельствам», с учетом исторической констеллятивности, и, во-вторых, мышление гуманистическое, заинтересованное в сохранении костяка западной культуры —

личности. «Разработка возможностей, шансов и ограничений развития психического и физического качества населения под влиянием жизненных отношений, в которые они помещены, ... станет большой темой культур-науки Вебера» (Hennis 2003с: 61), которую Хеннис определяет как «науку о человеке».

Таким образом, анализ Хенниса выявляет целостность онтологических, методологических, эпистемологических и праксеологических измерений веберовской культурсоциологии. Стремясь выявить — в оценочно нейтральном режиме — противоречивое влияние культуры капитализма на человека (личность), Вебер конструирует понимающую социологию социального действия, стремящуюся к нелинейному и нередуктивному сведению — с помощью методологического индивидуализма — культурных «макрофеноменов» к человекомерным «микрофеноменам». Таково дисциплинарное оформление веберовского, гуманистически «волонтаристского либерализма».

В отличие от Хенниса, В. Шлюхтер (род. 1938) выделил в качестве «темы» Вебера проблематику рационализма, в особенности развития рациональности внутри религиозных систем, оформленных в «картинах мира», выступающих единством когнитивного («чисто» познавательного) и нормативно-оценочного аспектов» (Давыдов 1991: 236). Шлюхтер выделяет три типа рационализма (научно-технический, этический и практический), что позволяет уйти от одномерного сциентистского рационализма к плюралистической картине рациональностей.

В отличие же от Тенбрука Шлюхтер изображает процессы рационализации как диалектические, а не корреспондентные. В то время как Тенбрук подчиняет материальные интересы идеям, Шлюхтер фиксирует их непрерывную конфликтность и дополнительность («избирательное сродство»). Как идеи, так и интересы служат цели «овладения миром» (Weltbeherrschung), но «сам Вебер все-таки предпочитает этике убеждения этику ответственности, так как в условиях разволшебствления только она допускает сознательное господство над миром» (Давыдов 1991: 264), сознательную ангажированность и ответственность в условиях плюрализма ценностей.

Также, в отличие от Хенниса, Шлюхтер видит в «споре о методах» повод, а в неокантианских решениях — основу для разработки Вебером собственных методологических средств. В духе критического рационализма, представления о котором уже были расхожими в то время, Вебер переводит наработки Риккерта («отнесение к ценности», разделение методов) в инструментально-аналитическую плоскость. В результате «разрыв между теоретическим и историческим методом изучения становится кажущимся, если уяснить себе, что оба они в своей основе имеют аналитическую логику, а также критический и одновременно конструктивный рационализм Канта» (Шлюхтер 2004: 29).

Анализируя своеобразие культурсоциологических проектов братьев Макса и Альфреда Веберов, Шлюхтер выявляет высокую степень сходства их гражданско-политических взглядов, с одной стороны, при наличии значимых различий в их научных позициях, с другой. Если Макс заложил основы культурсоциологии как понимающей социологии, связывающей действие и структуру через категорию смысла, то Альфред предложил более широкую историческую

картину, связывающую детерминацию и спонтанность, каузальный анализ и интуицию. «Можно ли представить себе большую противоречивость в основании культурсоциологии, чем обнаруживаемую в работах обоих братьев: объясняющая и наглядная наука (Evidenzwissenschaft), отнесение к ценности наряду со свободой от оценок и экзистенциальная наука, диагностическая, майевтическая наука и ориентирующая наука, конкретная наука и целостная наука» (Schluchter 2005b: 133). Таким образом, «Макса интересовали, в первую очередь, формы господства, религиозные мыслительные фигурации, экономические и социальные структуры и их прогрессирующая рационализация. У Альфреда на переднем плане стоит человек и его освобождение от социального, экономического и политического принуждений» (Шпакова, Гергилов 2006: 24).

Позиционируя веберрианскую программу в современных гносеологических координатах, Шлюхтер указывает на три ключевые конкурентные программы: системная теория Н. Лумана, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теория утилитарного действия (рационального выбора). Веберрианскую же программу автор отождествляет с «теорией регулируемого правилами действия» (Theorie des regelgeleiteten Handelns), отличая ее от утилитаристской версии экономистов — подхода следования правилам (выполнения правил). Веберрианская программа не впадает ни в надындивидуальный, «слепой» системный характер коммуникации у Лумана, ни в версию универсалистски и исключительно консенсуально ориентированной коммуникативной рациональности Хабермаса. «В то время как Луман недостаточно использует потенциал рациональности коммуникации, у Хабермаса прослеживается тенденция к завышению ее потенциала, его модель коммуникации содержит не только рациональность во всей ее полноте, но и притязание на универсальность» (Шлюхтер 2004: 45).

Опираясь на идею рамочно регулируемого (т. е. открытого для инноватики) социального действия, Шлюхтер критикует прочтение идей Вебера лидером школы рационального выбора в социологии Дж. Коулмана, который утверждает, что «дух» современного капитализма имел первоначально ценностно-рациональное микрообоснование. Однако его нельзя объяснить как «следствие утилитарной расчетливости задействованных акторов» (Шлюхтер 2004: 26), как сознательно запланированный результат. Вебер был одним из тех, кто понимал ограниченные возможности экстраполяции и прогнозирования в социальных науках, т. к. зачастую «эффекты множества социальных действий совсем иные, чем предполагается в каждом отдельном действии» (Schluchter 2005a: 121).

Хотя «Вебер использовал “индивидуалистический метод”, понимаемый сегодня как методологический индивидуализм, он также придерживался мнения, что из связей индивидуальных действий возникают социальные образования с эмерджентными свойствами ...» (Schluchter 2009: 28). Целостный анализ таких образований предполагает, по Шлюхтеру, инструментальный, прагматический методологический индивидуализм, регулирующий процедуры аналитического сведения макрофеноменов к микрофеноменам — на любых соподчиненных уровнях организованности социального пространства.

Топологию такого пространства составляют вертикальные (классовые, сословные) и горизонтальные неравенства (порядки, организации). «Вместо

понятия общества следовало бы применять понятие конфигурации порядков. Важна конкретная констелляция (под)порядков. ... Порядки не всегда благоприятствуют друг другу, иногда они мешают друг другу или остаются индифферентными» (Шлюхтер 2004: 46). Данные отношения выражаются в плюрализме стилей жизни и, в конечном итоге, типов личности, формирующихся в пространстве процессов социального открытия-закрытия (подвижных и гибких «обобществлений»). Таким образом, Шлюхтер — так же, как и иные представители немецкого неовеберизма, — выявляет антропологическую «заинтересованность» и, тем самым, целостность веберовских идей, непосредственно не обнаруживаемую в потоке его предметных и методологических изысканий.

Подводя итог, отметим, что высказанный ранее тезис о (скрытом) постнеклассическом эвристическом потенциале веберовской культурсоциологии выдвинут на основе результатов историко-социологического анализа, утверждающего системообразующее влияние «спора о методах» на идейную эволюцию Вебера. Не претендуя на исчерпывающий характер такого прочтения, мы все же, следуя мнению Р. Сведберга, полагаем, что поскольку «спор о методах» вновь повторяется на рубеже уже XX–XXI вв. (Swedberg 1990), сегодня — в очередной раз — актуализируется задача поиска нового, соразмерного времени и, тем самым, неизбежно таймированного (преходящего), но «работающего» постнеклассического «снятия». Современный вебероведческий анализ и призван выявить, обладают ли идеи Вебера искомым потенциалом.

Литература

- Абушенко В.Л.* Постсоветская социология: мультипарадигмальность и «тоска» по теоретическому синтезу // Социология: теория, методы, маркетинг: научно-теоретический журнал, 2013, 4, с. 54–68.
- Гершилов Р.Е.* Немецкое социологическое общество перед Первой мировой войной // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, VI (3), с. 33–39.
- Грановеттер М.* Интервью с Марком Грановеттером: «Теория организаций и экономическая социология идут рука об руку...» // Экономическая социология, 2012, 13(3), с. 8–21.
- Давыдов Ю.Н.* Веберовский ренессанс // Социологические исследования, 1986, 3, с. 56–68.
- Давыдов Ю.Н.* Картины мира и типы рациональности // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 735–770.
- Давыдов Ю.Н.* История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. — 367 с.
- Давыдов Ю.Н.* От национальной экономики к культурсоциологии (проблемы социологической теории в письмах М. Вебера 1906–1908 годов) // Вопросы философии, 1996, 1, с. 124–134.
- Доббин Ф.* Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли // Экономическая социология, 2012, 13(5), с. 34–56.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2004. — 408 с.
- Ионов И.Н.* Теория цивилизаций и неклассическое знание. (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // Общественные науки и современность, 2004, 5, с. 141–156.

Кильдюшов В.О. По следам наших выступлений, или Несколько замечаний по поводу одной «странной» дискуссии // Логос, 2007, 1, с. 156–176.

Кодзима С. Восприятие работ М. Вебера в России начала XX в. и «веберовский ренессанс» конца XX в. // Социологические исследования, 2009, 6, с. 121–131.

Козловский В.В. Актуальность социологии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004, VII(2), с. 5–7.

Комаровский А.В. Неовеберовская культуросоциология Фридриха Тенбрука // Социология, 2014, 1, с. 69–77.

Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал, 2008, 2, с. 31–44.

Патрушев А.И. Ренессанс Макса Вебера: истоки, дискуссии, тенденции // Новая и новейшая история, 1993, 1, с. 55–69.

Столяров А.М. Становление концепции экономического человека: от классики до нео-классики // Проблемы современной экономики, 2008, 2, с. 371–376.

Ушкова Е.Л. Идеальный тип как инструмент социологического исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология, 2005, 1, с. 10–15.

Филиппов А.Ф. Понятие и проблемы социологической классики // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009, с. 50–63.

Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социологические исследования, 2002, 2, с. 87–92.

Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004, VII(2), с. 22–50.

Шпакова Р.П., Гергилов Р.Е. Братья Альфред и Макс Веберы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2006, 9(IX), с. 17–29.

Шпакова Р.П. Макс Вебер и Вернер Зомбарт о западноевропейском капитализме // Социологические исследования, 1992, 12, с. 126–132.

Ясперс К. Речь памяти Макса Вебера // Макс Вебер. Избранное. М.: Юрист, 1994. С. 553–566.

Bruun H.H. Weber On Rickert: From Value Relation to Ideal Type, *Max Weber Studies*, 2001, 1(2), pp. 138–160.

Cohen J., Hazelrigg L.E., Pope W. De-Parsonizing Weber: A Critique of Parsons' Interpretation of Weber's Sociology, *American Sociological Review*, 1975, 40(2), pp. 229–241.

Emmet R. Frank Knight, Max Weber, Chicago Economics and Institutionalism, *Max Weber Studies*, 2006, Bht I, pp. 101–119.

Hennis W. Eine «Wissenschaft vom Menschen». Max Weber und die Historische Schule der deutschen Nationalökonomie, in: *Max Webers Fragestellung: Studien zur Biographie d. Werks*, Tübingen: Mohr, 1987. S. 117–166.

Hennis W. Die «hellenische Geisteskultur» und die Ursprünge von Webers politischer Denkart, in: *Max Weber und Thukydides*. Tübingen: Mohr, 2003a. S. 3–54.

Hennis W. Zum Erscheinen des ersten Bandes der Max-Weber-Gesamtausgabe (MWG), in: *Max Weber und Thukydides*, Tübingen: Mohr, 2003b. S. 73–86.

Hennis W. Zur Freiburger Antrittsvorlesung in wissenschaftsgeschichtlicher Sicht, in: *Max Weber und Thukydides*, Tübingen: Mohr, 2003c. S. 55–72.

Kaesler D. From Academic Outsider to Sociological Mastermind: The Fashioning of the Sociological «Classic» Max Weber, *Bangladesh e-J. of Sociology*, 2004, 1(1), pp. 4–13.

Kalberg S. The Past and Present Influence of World Views: Max Weber on a Neglected Sociological Concept, *Journal of Classical Sociology*, 2004, 4, pp. 139–163.

Kruse V. Max Weber, der Anti-Soziologe, *Soziologie und Anti-Soziologie: Ein Diskurs und seine Rekonstruktion*. Konstanz: UVK, 2001. S. 37–60.

Lichtblau K. Soziologie als Kulturwissenschaft? Zur Rolle des Kulturbegriffs in der Selbstreflexion der deutschsprachigen Soziologie, *Soziologie: Forum der Deutschen Gesellschaft für Soziologie*, 2001, 1, S. 5–21.

Mouzelis N. Modernity: A non-European conceptualization, *British Journal of Sociology*, 1999, 50(1), pp. 141–159.

Nau H.H. Eine «Wissenschaft vom Menschen». Max Weber und die Begründung der Sozialökonomik in der deutschsprachigen Ökonomie 1871 bis 1914, *Sozialwissenschaftliche Schriften*. Heft 35. Berlin: Dunker and Humblot, 1997.

Nickel K.E. «Wertfreiheit», *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 1919, 74(3), S. 409–417.

Scaff L.A. Weber before Weberian Sociology, *The British J. of Sociology*, 1984, 35(2), pp. 190–215.

Schluchter W. Geschichtsgesetz oder Entwicklungstendenz? Über die begrenzte Prognosefähigkeit der, *Handlung, Ordnung und Kultur: Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber*. Mohr Siebeck, 2005a. S. 108–123.

Schluchter W. Ideen, Interessen, Institutionen: Schlüsselbegriffe einer an Max Weber orientierten Soziologie, *Die Entzauberung der Welt: sechs Studien zu Max Weber*. Mohr Siebeck, 2009. S. 18–39.

Schluchter W. Max Weber und Alfred Weber: zwei Begründungen der Kultursociologie, *Handlung, Ordnung und Kultur: Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber*. Mohr Siebeck, 2005b. S. 124–136.

Schluchter W. Werturteilsfreiheit und Wertdiskussion. Max Weber zwischen Immanuel Kant und Heinrich Rickert, *Handlung, Ordnung und Kultur: Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber*. Mohr Siebeck, 2005c. S. 86–107.

Swedberg R. The Changing Picture of Max Weber's Sociology, *Annual Review of Sociology*, 2003, 29, pp. 283–306.

Swedberg R. The New «Battle of Methods», *Challenge*, 1990, 33(1), pp. 33–38.

Tenbruck F. Das Werk Max Webers, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1975, 27, S. 663–702.

Tenbruck F.H. Die Genesis der Methodologie Max Webers, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1959, 12, S. 573–630.

Weiss J. *Max Webers Grundlegung der Soziologie*. München: Dokumentation, 1975.